

С Е Р И Я
Э К О Н О М И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я

The ECONOMICS
of GLOBAL
TURBULENCE

*The Advanced Capitalist Economies
from Long Boom to Long
Downturn, 1945–2005*

ROBERT BRENNER

VERSO

LONDON · NEW YORK

ЭКОНОМИКА ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

*Развитые капиталистические
экономики в период от долгого
бума до долгого спада,
1945–2005*

РОБЕРТ БРЕННЕР

Перевод с английского
АЛЕКСЕЯ ГУСЕВА,
РУСЛАНА ХАЙТКУЛОВА

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2014

УДК 338
ББК 65.9(3)
Б87

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Научный редактор
ИГОРЬ ЧУБАРОВ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Бреннер, Р.

Б87 Экономика глобальной турбулентности: развитые капиталистические экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005 [Текст] / пер. с англ. А. Гусева, Р. Хаиткулова; под науч. ред. И. Чубарова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 552 с. — (Экономическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0809-1 (в пер.).

На протяжении многих лет экономическая наука постепенно отходила от реального мира в сторону формализованных аксиом и математических моделей, слабо соотносящихся с действительностью. Экономические комментаторы пытаются заполнить этот разрыв по мере своих сил, но, не обладая достаточными научными знаниями, журналисты часто идут на поводу у моды и оказываются слишком поглощенными текущими делами. В результате серьезные загадки экономического развития передовых стран в период после окончания Второй мировой войны до сих пор не получили сколько-нибудь подробного освещения. Экономист и историк Роберт Бреннер бросает вызов такому положению вещей. В своей работе «Экономика глобальной турбулентности» он описывает непростую послевоенную историю глобальной системы и раскрывает механизмы перепроизводства и чрезмерной конкуренции, которые лежат в основе ее долгосрочного кризиса с начала 1970-х годов.

УДК 338
ББК 65.9(3)

ISBN 978-5-7598-0809-1 (рус.)
ISBN 0 582 41410 5 (англ.)

В оформлении обложки использован фрагмент картины
Изабель Бишоп (Isabel Bishop, 1902–1988).

First published by Verso 2006
© Robert Brenner 2006

© Перевод на русский язык, оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ В ТАБЛИЦАХ	11
БЛАГОДАРНОСТИ	13
ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА	15

ПРЕДИСЛОВИЕ. ДИНАМИКА ТУРБУЛЕНТНОСТИ	17
Теория и история	17
<i>Долгий спад: хроническая проблема.</i>	24
ВВЕДЕНИЕ. ЗАГАДКА ДОЛГОГО СПАДА	34
Долгий спад	35

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТРАЕКТОРИЯ НОРМ ПРИБЫЛИ

I. КРИТИКА ОБЪЯСНЕНИЙ «ТЕОРИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ»	49
<i>Неизбывное мальтузианство</i>	50
<i>Тезис о давлении со стороны заработных плат</i>	52
1. «Противоречия кейнсианства»	54
<i>Ключ к разгадке подъема.</i>	55
<i>Проблемы «теории предложения»</i>	56
2. Концептуальные трудности тезиса «теории предложения»	59
<i>От полной занятости к ограничению прибылей?</i>	59
<i>Способна ли сила трудящихся помешать адаптации?</i>	62
3. Базовые эмпирические свидетельства против «теории предложения»	66
4. От критики к альтернативе	68
II. АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПОДХОД К ДОЛГОМУ СПАДУ	71
1. Технологии снижения затрат, ведущие к перепроизводству . . .	71
2. Провал адаптации	74
3. Основной капитал, неравномерное развитие и спад	79
<i>Уязвимость основного капитала</i>	79
<i>Старые попадают в когти к новым.</i>	81
<i>От избытка мощностей к долговому спаду.</i>	84
4. Послевоенная экономика: от подъема к стагнации	87

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ДОЛГИЙ ПОДЪЕМ

III. ТРАЕКТОРИЯ ПОСЛЕВОЕННОГО ПОДЪЕМА	95
<i>Гонка и груз основного капитала</i>	97
<i>Ориентация на рабочее движение.</i>	98

Свободная торговля и государственное вмешательство	101
Интернационализация экономики и меркантилизм, направленный на экспорт.	106
IV. ЭКОНОМИКА США: ЦЕНА ЛИДЕРСТВА	109
1. 1950-е: путь к стагнации	110
<i>Рабочее движение в США в 1950-е годы</i>	116
<i>Рост конкуренции из-за рубежа</i>	118
2. Начало 1960-х: кратковременное восстановление	124
V. ГЕРМАНИЯ: ПОДЪЕМ НА ОСНОВЕ ЭКСПОРТА	132
1. «Чудо» 1950-х	132
<i>Процесс роста</i>	137
2. Противоречия интернационализации: конец 1950-х — середина 1960-х годов	143
VI. «ВЫСОКОСКОРОСТНОЙ РОСТ» ЯПОНИИ	152
<i>Начальные условия</i>	152
<i>Процесс роста</i>	155
<i>Институциональные основания японского «чуда»</i>	156
<i>Ключевая роль государства</i>	160
<i>Медленный рост зарплат</i>	165
<i>Основанный на инвестициях экспортоориентированный рост</i>	168
VII. КАК ОБЪЯСНИТЬ ДОЛГИЙ ПОДЪЕМ?	172
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ОТ ПОДЪЕМА К СПАДУ	
VIII. ПУТЬ К КРИЗИСУ	177
1. США: падение нормы прибыли	180
<i>Зарплаты, производительность труда и мощь трудящихся</i>	181
<i>Доля прибыли</i>	185
<i>Отношение выпуска к капиталу</i>	188
<i>Что вызвало падение прибыльности?</i>	190
<i>Соппротивление труда и начало спада</i>	197
2. Окончательная фаза подъема в Японии	202
3. Окончательная фаза подъема в Германии	206
IX. РАСПРОСТРАНЕНИЕ КРИЗИСА	208
1. Контрнаступление США и мировой денежный кризис	209
2. Кризис немецкой экономики, 1969–1973 годы	219
3. Кризис японской экономики, 1970–1973 годы	224
<i>Этап 1. Дефляция и спад в экономике</i>	226
<i>Этап 2. Инфляция и несостоявшееся восстановление</i>	229
4. Углубление кризиса: выводы	235

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ДОЛГИЙ СПАД

X. ПОЧЕМУ НАСТУПИЛ ДОЛГИЙ СПАД?	241
1. Победа, равносильная поражению	242
<i>Недостаточный выход</i>	253
<i>Усиливающийся вход: Восточная Азия на подъеме</i>	255
3. Рост долга	256
<i>Депрессия отступает</i>	257
<i>Перетряска отложена, рост замедляется</i>	258
<i>Инфляция набирает обороты</i>	259
4. Углубление спада	260
XI. ПРОВАЛ КЕЙНСИАНСТВА: 1973–1979 ГОДЫ	267
1. Американская экономика в 1970-е годы	268
<i>Гарантия спроса</i>	268
<i>Контрнаступление американской промышленности</i>	269
<i>Сокращение издержек на оплату труда</i>	269
<i>Дальнейшее ослабление доллара и падение стоимости кредита</i> ..	270
<i>Рост инвестиций, выпуска и производительности</i>	272
<i>Провал выхода</i>	274
2. Япония в 1970-х годах	277
<i>Затраты на оплату труда и качество труда</i>	280
<i>Реконфигурация промышленности</i>	281
<i>Германия в 1970-х годах</i>	289
<i>Рецессия еще раз</i>	296
XII. МОНЕТАРИЗМ И РОСТ АМЕРИКАНСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ	300
<i>Восточноазиатское нашествие</i>	305
<i>Америка наносит ответный удар?</i>	308
1. От Рейгана к Клинтону: конец долгого спада?	312
<i>Рейганомика</i>	312
<i>Дефляция Клинтона</i>	318
<i>Трансформация в ходе спада</i>	323
<i>Рост непромышленного сектора и усиливающееся падение</i>	333
<i>Золотой век финансового сектора и богатых</i>	337
<i>Конец долгого спада?</i>	345
2. Япония в 1980-х и 1990-х годах: от подъема к краху и дальнейшим событиям	346
<i>Слабое восстановление (1980–1985 годы)</i>	346
<i>«Соглашение в Плазе» и экономика пузырей (1985–1991 годы)</i> ...	348
<i>От краха к трансформации?</i>	357
<i>На пути к восстановлению?</i>	364
3. Германия в 1980-х и 1990-х годах: монетаризм во имя экспорта ..	366
<i>Через стагнацию к росту?</i>	367

<i>Кризис германской промышленности</i>	373
<i>На пути к восстановлению?</i>	376

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ОБРЕТЕННАЯ ПРИБЫЛЬНОСТЬ?

XIII. ДОЛГИЙ СПАД И «ВЕКОВОЙ ТРЕНД»	381
XIV. СНОВА ДОЛГИЙ ПОДЪЕМ?	397
1. Новый век роста и гегемонии США?	397
2. Новый глобальный подъем?	405
<i>Замедление спроса, ускорение экспорта.</i>	409
<i>Оптимистический сценарий</i>	411
<i>Факторы, затрудняющие общесистемное восстановление.</i>	413
<i>Восточноазиатский кризис</i>	415
XV. ПОСЛЕСЛОВИЕ. УСИЛЕНИЕ ТУРБУЛЕНТНОСТИ?	422
<i>Восстановление в США и его пределы</i>	424
<i>Петля на шее мировой экономики сжимается</i>	441
<i>Падение прибыльности и его последствия</i>	447
<i>«Новая экономика»?</i>	454
<i>От международного кризиса к мании высоких технологий</i>	471
<i>Рецессия</i>	488
<i>Пузырь на рынке жилой недвижимости — двигатель подъема.</i>	492
<i>Траектория, которая полагает собственные пределы</i>	497
<i>Слабое и запоздалое восстановление.</i>	515
<i>Может ли прибыльность восстановиться и возродить</i> <i>экономику?</i>	519
<i>Два сценария</i>	523

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I. НОРМЫ ПРИБЫЛИ И РОСТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ: ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ	539
I. Нормы прибыли	539
II. Рост производительности	544
ПРИЛОЖЕНИЕ II. ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ ПО ОСНОВНЫМ ПЕРЕМЕННЫМ	546
I. Данные по национальным экономикам США, Германии и Японии	546
II. Сравнительные данные по экономикам США, Германии и Японии	548
III. Данные по международным переменным	549

*Посвящается
Альфреду и Элизабет Бреннер*

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ В ТАБЛИЦАХ

ВВП — валовой внутренний продукт

ВОК — валовой оборотный капитал

K/L — соотношение труда и капитала, капиталовооруженность

LPy — производительность труда (labour productivity)

Mfgr — промышленность (manufacturing)

NK — чистый капитал (net capital stock)

NKPRI — цена чистого основного капитала (net capital stock prices)

Non-mfgr — непромышленный сектор (non-manufacturing)

NY — чистый выпуск (net output)

NY/NK — отношение выпуска к капиталу (output-capital ratio)

NY/NK real — отношение выпуска к капиталу в реальном выражении (производительность капитала) (real output-capital ratio (capital productivity))

NPR — чистая норма прибыли (net profit rate)

NPSH — чистая доля прибыли в доходе (net profit share)

NW — номинальная заработная плата (nominal wage)

PPRI — цена производства (product price)

PW — заработная плата в товарном выражении (product wage)

RW — реальная заработная плата (real wage)

TFP — совокупная факторная производительность (total factor productivity)

ULC — удельные издержки на оплату труда (unit labour costs)

БЛАГОДАРНОСТИ

Я в колоссальном долгу перед Перри Андерсоном, который оказывал данному проекту огромную интеллектуальную и моральную поддержку с момента его зарождения, осуществлял всестороннюю критику моего текста и вносил предложения по его улучшению. То же делали Марк Глик, Эндрю Глин и Боб Поллин; они щедро предоставляли в мое распоряжение горы с трудом добытой информации, разъясняли мне, как ее использовать, комментировали многочисленные наброски и проводили бесчисленные часы, обсуждая со мной вопросы экономической теории и фактические данные, что значительно улучшило этот текст. Я также хотел бы выразить глубокую признательность Дэвиду Гордону, Джону Эшуорту, Гопалу Балакришнану, Майклу Бернштейну, Сэму Боулзу, Алексу Каллиникосу, Джиму Кронину, Жерару Дюменилю, Сэму Фарберу, Бобу Фитчу, Майку Голдфилду, Лорену Голднеру, Майклу Хауарду, Доминику Леви, Ларсу Мьосету, Джонатону Мозесу, Джону Рёмеру, Рун Скарстейн, Дику Уокеру и Эрику Райту: все эти люди внимательно прочитали мой текст и сделали очень полезные критические замечания. Я также благодарю Робина Блэкберна за его терпение, товарищеское отношение, поддержку и существенную критику; он довел этот текст до его первоначальной публикации в «New Left Review». Благодарю Стива Керна и Джулиана Сталлабрасса за немалую помощь в шлифовке стиля и придании тексту ясности, а также Дейва Хьюта, который вгрызался в наши нескончаемые ряды чисел и учил меня, как с ними нужно работать. В особом долгу я перед Сюзан Уоткинс, которая поздними вечерами прочитала насквозь весь текст и дала мне неоценимый совет относительно формы и содержания книги, открыв тем самым передо мной путь к завершению работы. Джон Роджерс оказал мне громадную помощь, проделывая вместе со мной утомительную, но неизбежную работу по сбору данных, осуществлению расчетов, что было необходимо для сопоставления норм прибыли в разных странах и многочисленных секторах экономики. Я очень благодарен ему за его великодушие. Команда издательства Verso, которую возглавлял Том Пенн и в которой работали Пэт Харпер, Софи Скарбек-Боровска и Андреа Стимпсон, выполнила свою работу по подготовке сложной рукописи, проявив высокий профессионализм, и я хочу выразить этим людям свою благодарность. Текст

от начала до конца отредактировал Себастьян Баджет и много сделал для совершенствования стиля и подачи материала, и за это я ему глубоко признателен. Том Мертес много способствовал мне в самых различных формах на протяжении, кажется, бесконечного времени: он собирал данные, помогал мне со стилем, критиковал содержание, предлагал идеи и делал еще очень многое. Воистину, только его помощь и поддержка помогли мне довести работу до конца, и я не нахожу достаточных слов благодарности. И в очередной раз я в огромном долгу у Тери Эдгар, не только за всестороннюю помощь в работе над книгой с момента возникновения ее замысла, но и за то, что она дарила свою любовь все то время, предшествовавшее дню, когда книга увидела свет.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«Экономика глобальной турбулентности» впервые была опубликована как «Специальный доклад по вопросам мировой экономики» в «New Left Review» № 229, май-июнь 1998 г. В настоящем издании данная работа воспроизводится с небольшими стилистическими и уточняющими поправками. Таблицы и графики по возможности обновлены с учетом новейших данных. Предисловие, послесловие, а также два приложения представляют собой новые тексты.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ДИНАМИКА ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Эволюция развитых капиталистических экономик после окончания Второй мировой войны естественным образом делится на два приблизительно равных периода, каждый из которых занял около четверти века: период процветания (вторая половина 1940-х — 1973 год) и эпоха замедленного роста и усиления экономической турбулентности, начало которой пришлось на 1973 год; эти годы характеризовались глубоким спадом производства и самым тяжелым финансовым кризисом со времен Великой депрессии. Задача книги «Экономика глобальной турбулентности» состоит в том, чтобы предложить читателям целостную интерпретацию пройденной траектории: беспрецедентного послевоенного подъема, затем перехода от подъема к спаду, совершившегося в середине 1960-х — середине 1970-х годов, и длительного замедления, последовавшего за этим. Именно долгий спад, эта необыкновенно затянувшаяся фаза низкого уровня динамизма и постоянно ухудшающихся показателей функционирования экономики, которая продолжается и в начале нового тысячелетия, станет предметом объяснения в данном исследовании.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Трудность, которая возникает при попытке дать систематическое описание послевоенного экономического развития, самоочевидна. По сути проблема состоит в том, чтобы представить логически связную концептуальную схему, которая не только объясняла бы главные сдвиги, происходившие со временем в системе в целом, то есть отражала бы смену этапов, отличающихся друг от друга по основным чертам экономического роста, но и показывала бы региональные отличия между основными полюсами накопления капитала, каждый из которых имел свои политэкономические особенности. Требуется, таким образом, соединить теорию и сравнительную историю, и это довольно непростая задача. Она осложняется скупостью имеющихся национальных счетов, и молчание экономической ортодоксии по этому вопросу только усугубляет ситуацию.

губляет ситуацию. Последняя вообще едва ли признает существование проблемы. В любом случае, у нее нет средств для ее разрешения, поскольку нет теории накопления капитала. Основная имеющаяся ныне теоретическая альтернатива (она имеет свои версии, ортодоксальную и гетеродоксальную) гласит, что причиной перехода от долгого подъема к долгому спаду был рост давления трудящихся на капитал, который, в свою очередь, явился результатом продолжительного послевоенного экономического подъема¹. Но, если посмотреть на этот тезис с высоты текущего момента, он определенно выглядит опровергнутым, ведь решающее ослабление труда по сравнению с капиталом на протяжении 1970-х и 1980-х годов не помогло экономической системе восстановить свои жизненные силы. В любом случае, далее я подвергну данный подход развернутой критике, чтобы заложить, таким образом, фундамент для моей собственной интерпретации.

Мой подход к задаче построения теоретико-сравнительного исторического анализа мировой экономики послевоенного периода основан на анализе траектории прибыльности. Реализованная норма прибыли представляет собой непосредственную меру способности компаний извлекать прибавочный продукт из своих зданий, оборудования и программного обеспечения. Кроме того, она является хорошим инструментом прогнозирования будущей нормы отдачи, которую фирмы могут получить на свои новые инвестиции. Следовательно, норма прибыли является фундаментальным фактором, определяющим темпы, с которыми образующие экономику компании будут накапливать капитал и расширять занятость, а значит, темпы роста выпуска, производительности труда и заработной платы, и, таким образом, темпы роста совокупного спроса — как инвестиционного, так и потребительского. Отсюда непосредственно следуют первоначальные выводы: послевоенный подъем и длительный период экономического роста в США, Европе и Японии могли начаться благодаря тому, что в период конца 1930-х — конца 1940-х был достигнут повышенный уровень прибыльности, который сохранялся на протяжении последующих двух десятилетий. Конец послевоенному подъему положило резкое падение уровня (примечание про *manufacturing*) прибыльности, имевшее место в период 1965–1973 годов в экономиках развитых капиталистических стран, взятых как в отдельности, так и в совокупности. В особенности падение прибыльности происходило в промышленном сек-

¹ См. в первую очередь фундаментальную работу, посвященную данному периоду: *Armstrong P. et al. Capitalism Since 1945. London, 1991.* — Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, *примеч. авт.*

торе², однако оно распространилось на весь частный сектор в целом; оно впервые проявилось в Соединенных Штатах, но вскоре охватило и Западную Европу с Японией. Причина того, что к 2000 году не наблюдалось явных признаков возрождения мировой экономики, заключается в том, что на тот момент не произошло заметного увеличения нормы прибыли как в мировой экономической системе в целом, так и в США, Западной Европе и Японии по отдельности. Эти результаты содержат вызов для теоретиков, состоящий в необходимости объяснить траекторию прибыльности — как всей системы, так и ее отдельных региональных и национальных компонент — и понять, что эта траектория говорит о действительной истории послевоенного экономического развития — опять же на уровне глобальной экономики и составляющих ее частей. Эта книга, по существу, задумана как ответ на данный вызов.

Вообще говоря, предлагаемая мной интерпретация относится к трем взаимозависимым уровням. На нижнем (если можно так выразиться) уровне я предлагаю механизм, объясняющий тенденцию нормы прибыли к понижению. Отправной точкой для этого механизма являются анархия и конкуренция в сфере капиталистического производства. Эти условия побуждают индивидуальных предпринимателей сокращать затраты, чтобы выживать за счет внедрения основного капитала, воплощающего в себе все более эффективные технологии, причем не только пренебрегая требованиями воспроизводства других капиталов, но и ставя под угрозу их прибыли и даже само их существование. С одной стороны, совокупный результат приводит к невиданному прежде развитию производительных сил. Однако, с другой стороны, принимаемые меры не позволяют компаниям, использующим более затратные технологии, которые закреплены в наличных зданиях, оборудовании и программном обеспечении, окупить инвестированный основной капитал. Это приводит к возникновению избыточных производственных мощностей и, как следствие, снижению прибыльности.

Чтобы связать абстрактное описание тенденции нормы прибыли к понижению с конкретной траекторией эволюции экономики послевоенного периода, я ввожу связующее концептуальное звено ме-

² В целях экономии места и для простоты восприятия, здесь и далее в тексте *англ.* manufacturing («обрабатывающая промышленность») переводится просто как промышленность. То же касается прилагательных при всех показателях, которые относятся к сектору обрабатывающей промышленности. Когда в оригинале имеется в виду промышленность в собственном смысле слова, то есть стоит «industry», в русском переводе говорится об «индустрии». — *Примеч. пер.*

жду первым и вторым. Данная концептуализация, также выстроенная на динамике основного капитала, объясняет нам, почему капиталистическая экспансия должна принимать форму неравномерного развития, которое складывается из взаимодействия между, с одной стороны, блоком капитала, начавшем развиваться раньше (или, можно сказать, более ранним), изначально более передового в технологическом и социально-экономическом отношении и при этом доминирующего в политической сфере, и с другой стороны, блоков капитала, начавших развиваться позднее (или, более поздним), поначалу более отсталых в технологическом и социально-экономическом отношении и занимающих подчиненное положение с политической точки зрения, но все же способных воспользоваться потенциальными преимуществами своего более позднего развития, охватывающего новые, прежде менее развитые регионы. Отправной пункт здесь — утверждение, что инвестиции, как правило, осуществляются волнами, блоками взаимосвязанных размещений основного капитала, и их образующие элементы воплощают в себе технологии приблизительно одного поколения. В результате мы получаем следующую модель развития: блок капитала, начавший свое развитие раньше, доминирует в течение длительного периода на своем рынке, отпугивая конкурентов; вновь появляющиеся блоки капитала, не имеющие доступа на рынки ранее утвердившегося там блока, в итоге добывают себе прибыли за счет развития новых регионов и эксплуатации масс новой рабочей силы, в значительной степени отдельно от лидирующего в развитии капитала. И наконец, капиталы из более поздних блоков, начинают оказывать все большее конкурентное давление на капиталы более раннего блока, используя более дешевые факторы производства и столь же совершенные или более передовые технологии, усиливая таким образом межкапиталистическую конкуренцию и подрывая способность больших объемов основного капитала окупить себя, в результате чего возникают избыточные производственные мощности, а норма прибыли падает.

Безусловно, конечная цель этой концептуальной схемы — создать основу для убедительного изложения истории развития мировой экономики после Второй мировой войны. Я утверждаю, что в течение первой послевоенной четверти века экономическая история развитых капиталистических стран представляла из себя неравномерное развитие с последующим падением нормы прибыли в национальных экономиках, которое произошло потому, что крупные блоки основного капитала не могли принести прирост своей стоимости, как раз так, как только что было описано. Воспроизводство высоких норм прибыли и экономическое процветание на протяжении длительного времени стали воз-

возможными благодаря тому, что при полной поддержке правительства США возник прочный симбиоз двух блоков капитала. Одной его стороной был более ранний блок американского капитала, характеризовавшийся технологическим лидерством, более высоким уровнем социально-экономического развития и международным гегемоническим положением американского государства и капиталистического класса. Другой стороной — более поздние блоки капитала в Западной Европе и Японии, которые были технологическими последователями и характеризовались запоздалым социально-экономическим развитием и подчиненным положением своих государств и капиталистических классов. При этом на первоначальном этапе развились по большей части в отрыве от более ранних блоков.

Более поздно сформировавшиеся блоки капитала поддерживали свой динамизм благодаря меркантилистскому курсу на промышленный экспорт, который было возможно проводить благодаря экономическому этатизму и организованному капитализму. Ранее сформировавшийся блок капитала умножал свою энергию посредством свободного рынка, глобальной ориентации на прямые иностранные инвестиции и финансовой интернационализации, которая делалась возможной в силу доминирующего положения его государства, не говоря уже о его военной мощи и империалистических устремлениях.

Однако расширение и углубление описанных процессов оказались в конечном счете саморазрушительными. В период между 1965 и 1973 годом производители, принадлежавшие к ранним и более поздним блокам капитала, наконец вступили в обострившуюся международную конкуренцию, которая вызвала вынужденное снижение цен, в результате чего большие объемы уже существовавших основных капиталов оказались неспособны прирастить свою стоимость. Возникший в результате избыток производственных мощностей привел к резкому падению прибыльности в масштабах всей системы, в особенности в промышленном секторе, но также и в целом в частных секторах экономики США, стран Западной Европы и Японии, как по отдельности, так и в совокупности. Как результат, в течение поразительно короткого времени мировая экономика перешла от долгого подъема к долгому спаду.

Тем не менее если действие названных механизмов объясняет наступление долгого спада, то возникает еще один масштабный вопрос: почему этот спад оказался настолько долгим? Этот вопрос встает тем более остро в свете того факта, что в течение следующей четверти века и даже позднее, компании по всему развитому капиталистическому миру при поддержке правительств прилагали еще бóльшие сознатель-

ные, систематические и широкие усилия по восстановлению уровня своих норм прибыли путем упорного снижения расходов, прежде всего прямых и косвенных затрат на рабочую силу, а также перестройки своих методов организации бизнеса. Все с большей яростью они нападали на организации рабочего класса, чтобы положить конец росту зарплат или даже снизить их уровень и урезать социальные выплаты. Они стремились преобразовать мировую экономику в духе неолиберализма путем приватизации государственных предприятий и освобождения ранее сдерживавшегося финансового сектора, а также отказываясь от регулирования рынков товаров и рабочей силы. Они взламывали рынки менее развитых стран для доступа своих товаров, прямых иностранных инвестиций, финансового сектора и потоков краткосрочного капитала. Они перенаправляли капиталы из высокзатратных и малоприбыльных производств в финансовый сектор и все пускались во все большую спекуляцию. Они наращивали прямые иностранные инвестиции, чтобы переместить производство в избранные регионы бывшего «третьего мира», туда, где трудовые резервы еще были дешевыми, но становились все более квалифицированными, образованными и способными освоить более совершенные технологии. Вместе с тем они старались извлечь быстрые спекулятивные прибыли в странах глобального Юга, пользуясь возможностью быстро покупать и продавать активы на его недавно открывшихся финансовых рынках. По существу, все эти взаимосвязанные меры по сокращению затрат, проведению неолиберальных преобразований и глобализации (в развитых капиталистических странах они проводятся все интенсивнее с начала 1970-х годов) представляли собой более или менее отчаянные попытки справиться с всеобщей и неослабевающей проблемой сокращения прибыльности. Но по-прежнему остается очевидным, что эти меры не только не привели к возрождению экономического динамизма, но даже не спасли развитые капиталистические экономики от дальнейшего постоянного ухудшения показателей их работы. В результате даже в 2000 году было еще очень далеко до преодоления долгого спада.

В последней главе данной книги и в послесловии я стараюсь вскрыть эти процессы и объяснить неожиданную продолжительность долгого спада, сосредоточив внимание на описании того, что я считаю фундаментальным источником проблемы. А им была неспособность прибыльности в частном секторе развитых капиталистических экономик возродиться, что в первую очередь является результатом парадоксального долгого и стойкого хронического избытка мощностей в мировой промышленности. Эту задачу я постараюсь решить, разрабатывая и расширяя предложенную выше схему, объясняющую долгий

подъем и наступление долгого спада, в центре которой — взаимосвязанная динамика основного капитала и неравномерного развития. Эта взаимосвязь имеет два аспекта — на стороне спроса и на стороне предложения. С одной стороны, в результате обрушения норм прибыли компании столкнулись с необходимостью замедлить рост капиталовложений и занятости, добиваться сокращения роста и уровня своих затрат, в первую очередь затрат на рабочую силу, прибегая к разнообразным методам, обозначенным выше. В условиях, когда прибыльность не удавалось восстановить, эти действия создавали хронический и *все более сильный* недостаток инвестиционного, потребительского, государственного и как следствие — совокупного спроса. С другой стороны, вопреки ожиданиям, в ответ на возникающую проблему прибыльности крупные компании развитого капиталистического мира, изымали свой основной капитал из переполненных промышленных отраслей, как правило, лишь очень медленно и с большой неохотой. Вместо этого они старались как можно дольше сохранять свои позиции на мировом рынке, повышая свою конкурентоспособность путем расширения вложений, насколько это было в их силах, даже в условиях падающей доходности капиталовложений. В то же время, один за другим, регионы Восточной Азии — от новых индустриальных стран (НИС) Северо-Восточной Азии до «малых тигров» Юго-Восточной Азии и китайского исполина — еще более способствовали процессам неравномерного развития, используя свое потенциальное преимущество, достигнутое в силу их более позднего появления на рынках, подобно тому, как этот же фактор некогда использовали их предшественники из Западной Европы и Японии. Они с беспрецедентными темпами продвигались вверх по технологической лестнице³, в особенности благодаря постоянно углубляющейся региональной интеграции, которая осуществлялась путем увеличения прямых иностранных инвестиций, а также торговли, и таким образом обрушивали на уже перенасыщенные мировые рынки потоки все более высокотехнологичных промышленных товаров, оказывая еще большее давление на мировые промышленные нормы прибыли.

Тем не менее нарастание избыточных производственных мощностей на мировых промышленных рынках (происходившее вследствие

³ Понятие «технологической лестницы» используется для описания смен господствующих технологических укладов в отдельно взятой стране — от сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности до биотехнологий и космической промышленности. См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 1999. — *Примеч. пер.*

неожиданного упорства доминировавших фирм из развитых капиталистических стран и невиданного наплыва фирм из развивающихся стран, в особенности из Восточной Азии) в условиях усугубляющейся проблемы недостаточного совокупного спроса (его недостаточность возникла в результате всеобщего сокращения затрат и снижения темпов капиталовложений и создания рабочих мест, что последовало за снижением прибыльности) не привело, как можно было бы ожидать, к масштабному вытеснению дорогостоящих и малоприбыльных средств производства путем серьезной рецессии или депрессии. Этого не произошло потому, что правительства развитых капиталистических стран, среди которых лидерство все в большей степени захватывали США, обеспечивали доступ к колоссальным кредитам, поступавшим по самым разнообразным каналам, прямым и косвенным, государственным и частным, к компаниям и домохозяйствам. Получатели кредитов могли поглощать излишки предложения, превышающего спрос, особенно в момент серьезных циклических спадов, которые периодически ставили под угрозу стабильность. Поэтому мы стали свидетелями не общесистемного кризиса, а продолжительного, затянувшегося более чем на три десятилетия неуклонного снижения норм прибыли, которое и способствовало ослаблению экономической энергии в мировом масштабе, а также появлению все более разрушительных пузырей на финансовых рынках, финансовым крахам и все более тяжелым циклическим спадам. Итогом стали трудности, с которыми мировая экономика столкнулась на пороге нового тысячелетия: продолжающийся долгий спад в обстановке переполненных отраслей, замедляющегося роста совокупного спроса и гор переоцененных бумажных активов. Все эти условия привели к беспрецедентно быстрому увеличению частного и государственного долга до исторически беспрецедентных размеров⁴ (см. рис. П.3; рис. П.4; рис. XV.6).

Долгий спад: хроническая проблема

Работа над текстом этой книги, за исключением послесловия, была завершена, когда в 1997–1998 годах разразился восточноазиатский кризис, а бум «Новой экономики» достиг своего пика. В тексте глобальная турбулентность расценивалась как красноречивый признак того, что мировая экономика остается неспособной выйти из состояния дол-

⁴ Эта аргументация породила серьезную дискуссию. См. особенно два специально посвященных ей выпуска: *Historical Materialism*. 1999. No. 4. Summer; 2000. No. 5. Winter; а также: *Monthly Review*. 1999. Vol. 11. June.

ного спада. В нем утверждалось, что за блестящим фасадом «Славного десятилетия» (Fabulous decade) скрывались все еще шаткие основы, державшие развитие мировой экономической системы. И делалось заключение, что «переизбыток производства в очередной раз обесценивает выигрыши от торговли, и конкуренция в итоге берет верх над взаимовыгодностью», вследствие чего нарастающее предложение мирового экспорта в условиях сжимающихся рынков «подрывает извлечение прибылей и поэтому препятствует восстановлению, тем самым обрывая долгосрочный общесистемный подъем и угрожая мировой экономике новой серьезной рецессией». Время, прошедшее с тех пор, я убежден, подтвердило правильность такого взгляда. Долгий спад продолжился и в первые годы XXI века. Это произошло во многом вследствие парадоксальной устойчивости хронического перепроизводства в международном промышленном секторе, которое в первую очередь и привело к понижению норм прибыли в промышленности, и кроме того, во всем частном секторе развитых капиталистических экономик. Сохранявшиеся на протяжении долгого времени пониженные нормы прибыли сами по себе определили длительное торможение роста ВВП, инвестиций, производительности и заработной платы начиная с 1970-х годов. Я постараюсь доказать, что именно в контексте продолжающегося долгого спада и сохранения проблемы перепроизводства и низких уровней прибыльности в промышленном и частном секторе, мы и должны интерпретировать сумасшедший бум и пузыри на фондовых рынках во второй половине 1990-х годов, крах цен на акции и глубокую рецессию 2000–2001 годов и последовавшее за этим циклическое восстановление, пока что слабое и неустойчивое⁵.

Невзирая на все это, типичная умственная реакция на проблему долгого спада заключалась не в создании альтернативных способов ее объяснения, но скорее в явном или скрытом отрицании самого факта существования этой проблемы. Деловые круги и проправительственные публицисты стояли на том, что инициированное в начале 1980-х годов сокращение государственного регулирования промышленного производства стимулировало инновации, раскрепощение финансовых рынков привело к более эффективному размещению капиталов, подавление профсоюзов обеспечило большую гибкость рынков труда, снижение налогов было выгодно как инвесторам, так и работникам, а ослабление государственного вмешательства способствовало свободному предпринимательству. В результате, утверждается, не только не было какого-то заглушения экономического мотора, но,

⁵ См. послесловие.

наоборот, экономика приобретала все большую жизнеспособность, и высшей точкой этого процесса стал бум «Новой экономики» конца 1990-х годов. Более трезвомыслящие экономисты и историки экономики решили, что следует отрицать не реальность замедления экономического роста, а скорее, необходимость давать этому феномену какие-то особые объяснения. С их точки зрения, долгий период ослабленного состояния экономики служит свидетельством своеобразного возврата к равновесию — к обычным и притом весьма внушительным темпам роста, которые и должны последовать за периодом послевоенного бума, который они считают уникальным. Согласно их утверждениям, в объяснении нуждается как раз беспримерный динамизм экономики в первой четверти века после окончания войны, который, на их взгляд, следует приписать накоплению необыкновенного резерва технологий на протяжении кризисного межвоенного периода. Как они утверждают, этот резерв истощился в ходе долгого послевоенного подъема, и после 1973 года произошло возвращение к нормальному положению вещей⁶. На самом же деле ни одна из представленных позиций даже отдаленно не соответствует действительной эволюции экономики на протяжении трех последних десятилетий.

Столь милая сердцам защитников бизнес-интересов и неолиберальным политикам, равно как и экономистам неоклассического толка, идея о том, что поворот в сторону более и более свободных рынков, более и более суровой финансовой дисциплины должен привести к упрочению экономики, — есть отрицание очевидного. Факты говорят о том, что состояние развитых капиталистических экономик (США, ЕС и Япония), взятых в совокупности или по отдельности, ухудшалось от цикла к циклу после того, как сошел на нет послевоенный бум, и на это указывают все основные макроэкономические индикаторы: рост ВВП, основного капитала, производительности труда и размера реальной оплаты труда. Экономическая ситуация в 1990-е годы была хуже, чем в 1980-е, когда, в свою очередь, наблюдалось ухудшение по сравнению с 1970-ми, а тем более с 1950-ми и 1960-ми⁷. И это даже несмотря на то, что неолиберальная экономическая политика, приправленная сбалансированными бюджетами и главенством центральных банков, во все более чистых своих формах подчиняла себе экономику.

⁶ *Crafts N., Toniolo G. Postwar Growth: An Overview // Economic Growth in Europe Since 1945 / N. Crafts, G. Toniolo (eds). Cambridge, 1996.*

⁷ См. далее: Наст. изд. Табл. XIII.1. Замедление экономического роста. 1960–2005.

Что касается США, где, как утверждается, фондовый рынок стал двигателем технологического чуда, которое и позволило стране вырваться из состояния стагнации, продолжавшей отягощать жизнь ее основных конкурентов — Европы и Японии, — то показатели работы американской экономики в первой половине 1990-х годов были хуже, нежели в любое другое пятилетие послевоенного периода. Несомненное ускорение экономического развития, имевшее место во второй половине 1990-х годов, обеспечило то, что общие итоги десятилетия превысили итоги 1980-х, но причиной этого было значительное стимулирование как потребления, так и инвестиций за счет эффекта богатства (*wealth effect*) со стороны беспрецедентного и, как оказалось, обреченного пузыря на финансовом рынке, надувавшегося в тот период. Эффект богатства объясняет не менее одной четверти совокупного прироста ВВП в 1995–2000 годах; без него рост составил бы не 4%, а скорее, скромные 3%. Но даже под воздействием этого эффекта, экономика США в 1990-е годы чувствовала себя не лучше, чем в «проклятые» 1970-е годы. Действительно, если брать основные макроэкономические индикаторы, с 1995 по 2000 год, в течение пяти «волшебных» (как принято считать) лет положение в экономике США было не лучше, чем в течение двадцати пяти лет, с 1948 по 1973 год, когда вмешательство государства и государственное регулирование экономики, сила профсоюзов, подавление финансовой системы и налогообложение корпораций достигали максимума, якобы сдерживая экономическое развитие⁸.

Кроме того, вопреки почти всеобщей убежденности в обратном, функционирование экономики США не было явно лучше, чем функционирование экономик их конкурентов, если оценивать его по главному показателю — росту производительности. Здесь нужно особо отметить, что в период долгого спада общие показатели функционирования экономик Германии, других стран Западной Европы, а также Японии, по сравнению с США падали еще сильнее. Однако в период с 1993 по 2003 год Европейский Союз в целом (в том числе Испания, Греция и Португалия) добился несколько более высоких темпов роста ВВП в расчете на час отработанного времени, чем США: 1,8 против 1,6%⁹. Более того, к концу этого периода ЕС практически преодолел свое историческое отставание от США по уровню произ-

⁸ *Brenner R.* The Boom and the Bubble. London, 2002. P. 47. Tabl. 1.10; P. 221. Tabl. 9.1.

⁹ *Daly K.* Euroland's Secret Success Story // Goldman Sachs Global Economic Papers. 2004. No. 102. 16 January. P. 1–3, 8, 10.

водительности труда: в 2003 году совокупный уровень его ВВП в расчете на час отработанного времени был уже лишь на 5% ниже, чем у США. К этому моменту уровень ВВП в расчете на час отработанного времени в Германии, Франции и Италии немного (на 1–3%) превысил соответствующую величину США, тогда как этот уровень в Нидерландах, Бельгии, Люксембурге и Норвегии поднялся существенно выше (6–31%)¹⁰.

Замедление темпов экономического развития в США и в экономиках всех развитых капиталистических стран после 1973 года также нельзя считать оптической иллюзией, которая возникает из-за того, что в сравнение берется послевоенный период аномального быстрого роста. С исторической точки зрения послевоенный «золотой век» в Америке был, вне всяких сомнений, впечатляющим, но не на фоне прежних достижений США; это становится очевидным, если сравнить их с итогами предыдущего долгого подъема, имевшего место между 1890 и 1913 годом. Рост производительности труда, подушевого дохода и реальной заработной платы во время подъема после Второй мировой войны был выше, чем в период перед Первой мировой войной, хотя и не сильно. С другой стороны, рост ВВП и инвестиций перед Первой мировой войной был столь же интенсивным или даже более интенсивным. Таким образом, долгий бум 1950–1973 годов превзошел подъем 1890–1913 годов, но они вполне сопоставимы.

Напротив, долгий спад, наступивший после 1973 года, можно ясно и безусловно определить как таковой, поскольку работа экономики оказалась столь плохой не только по сравнению с подъемом после Второй мировой войны, но и с долгим подъемом периода перед Первой мировой войной. Произошло ощутимое падение практически всех основных макроэкономических показателей по сравнению с обоими названными периодами долгих подъемов. Долгий спад продлился до конца тысячелетия, то есть он затянулся так сильно, что к нему нельзя относиться как к понижательной фазе последнего из циклов Кондрать-

¹⁰ OECD. Science and Technology Scoreboard 2003 — Towards a Knowledge-based Economy. Tabl. D.2. Income and Productivity Levels in the OECD, 1950–2002 (online). Cp.: van Ark B. Does the European Union Need to Revive Productivity Growth// Groningen Growth Centre Research Memorandum GD-75. 2005. April. P. 9. Tabl. 2. Темпы роста производительности в промышленности между 1995 и 2000 годом в США достигли 4,7%, и это, бесспорно, впечатляющий результат. Однако явно не достаточный, чтобы превзойти достижения основных конкурентов США, в том числе Франции (5,2%), отравленной действием рецессии Японии (4,2%) и Западной Германии (4,9% на 1998 год; более поздние данные по Западной Германии недоступны).

ева (я не стану здесь обращаться к спорному вопросу о том, существуют ли последние вообще)¹¹.

Служит ли начало замедления роста свидетельством истощения технологического потенциала, который достиг небывалых размеров вследствие длительного инвестиционного застоя в годы Великой депрессии и обеспечил для экономики исключительный динамизм в первые послевоенные десятилетия? Похоже именно такое объяснение стало ортодоксальным среди макроэкономистов, но его невозможно обосновать с точки зрения реальных тенденций развития производительности¹². Во-первых, не было никакого истощения технологического потенциала в промышленном секторе. После того как между 1938 и 1973 годом рост производительности труда в промышленности оставался примерно на уровне 3%, в 1970-е годы произошел резкий обвал. С 1980 года рост производительности стал ускоряться, и 1990-е годы стали десятилетием наивысшего роста за весь послевоенный период. В любом случае, если бы траектория динамики производительности отражала истощение технологического потенциала, можно было бы ожидать, что она будет постепенно, более или менее непрерывно идти вниз. На самом же деле рост производительности в частном секторе экономики в целом оставался высоким и на удивление стабильным в ходе долгого периода с 1938 по 1973 год. Затем, в период между 1973 и 1980 годом, он внезапно и резко пошел на спад, и в 1980–2000 годах тенденции к его восстановлению не намечалось. Если долгий подъем обеспечивался использованием технологического потенциала, почему же рост производительности в непромышленном секторе не сокращался на протяжении десятилетий? Почему он затем внезапно рухнул? И почему его стагнация продолжалась так долго? Имея в виду временную структуру и отрывистость спада производительности, лучшего понимания можно достичь, если рассматривать его в качестве следствия, а не причины экономического замедления, в частности — в качестве результата замедления в темпах роста основного капитала, произошедшего вследствие уменьшения прибыльности, а также в качестве

¹¹ Сравнение макроэкономических показателей периода долгого спада и подъёмов, имевших место после Второй мировой войны и накануне Первой мировой войны можно найти в: *Brenner R. The Capitalist Economy, 1945–2000; Coates D. (ed.). Varieties of Capitalism, Varieties of Approaches. Basingstoke, 2005. P. 215. Tabl. 11.1.*

¹² *Baumol W. J. Productivity Growth, Convergence, and Welfare: What the Long-Run Data Show // American Economic Review. 1986. Vol. 76. December. esp. P. 1081–1082; Krugman P. Peddling Prosperity. N.Y., 1994. P. 59–63.*

ТАБЛИЦА 1. Долгие подъемы и долгий спад: 1890–1913 и 1950–1973 в сравнении с 1973–1996 годами (среднегодовые темпы роста, %)

	1890–1913	1950–1973	1973–1996
ВВП	4,0	4,0	2,9
ВВП на час отработанного времени	2,2	2,6	1,2
ВВП на душу	2,1	2,5	1,8
Реальная заработная плата (промышленность)	1,6	2,2	0
Валовой основной капитал	5,4	3,2	—
Валовой основной капитал на час отработанного времени	3,4	1,7	—

ИСТОЧНИКИ: *Maddison A. Dynamic Forces in the World Economy*, 1991. P. 71, 140, 142; *Maddison A. The World Economy: Historical Statistics*, 2003. P. 84–86. Tabl. 2c; Bureau of Economic Analysis, National Income and Product Accounts. Tabl. 7.1 (BEA website); *Rees A. Real Wages in Manufacturing, 1890–1914*, 1969. P. 120; Bureau of Labor Statistics, Hourly Earnings of Production and Non-Supervisory Workers (BLS website); Bureau of Labor Statistics, Consumer Price Index-U (1982–1984) (BLS website). (Данные по заработной плате даны для промышленного сектора, а не для экономики в целом, так как данные о заработной плате за пределами промышленности за более ранний период недоступны.)

следствия замедления роста капиталовооруженности труда, которое стало результатом глубокой стагнации заработных плат¹³.

Возможно, наиболее красноречивым здесь является тот факт, что замедление роста сопровождалось резким усилением нестабильности. Финансовый сектор во всем мире начал избавляться от оков послевоенного государственного регулирования, и особенно резко — примерно после 1980 года. В результате внезапно и с новой силой возобновились финансовые кризисы, которые удавалось заглушать или вообще предотвращать в первые 25 лет послевоенного периода и в течение некоторого времени после. Мировая экономика снова оказалась во власти все более продолжительных серий долговых, основанных на финансовых пузырях и спекуляции бумов, которые неизменно заканчивались полным крахом. Не случайно, что этот процесс достиг своего рода кульминации в 1990-е годы, когда либерализация рынка капитала распространилась из экономик ядра на развивающиеся стра-

¹³ US Department of Commerce. Historical Statistics of the United States. Washington, DC, 1970. Series D 685. P. 162.

ны, и череда финансовых расширений и финансовых обвалов покалечила не только экономики Турции, России, Бразилии и Аргентины, но и (к концу десятилетия) НИСы Восточной Азии, Японию, а также сами Соединенные Штаты¹⁴.

Самым главным свидетельством сохраняющейся слабости экономики могут служить тенденции в динамике уровня жизни, а также в распределении доходов. Доли в национальном доходе 1 и 5% наиболее богатых домохозяйств США достигли своего максимального за весь за весь XX век значения в 1928 году — 19,6 и 34,7% соответственно. Но за последующие 45 лет они упали и в 1973 году, в последний год послевоенного бума, достигли низшей точки: 7,7 и 20,6% соответственно. Однако в ходе долгого спада оба эти показателя беспрерывно поднимались над своими минимумами, так что к 1998 году они приблизились — хотя и не достигли — своего наивысшего уровня 1928 года и составили соответственно 14,6 и 29,4%. Эта тенденция к поляризации доходов находит свое отражение в траектории уровня бедности и размера дохода на одну семью. В период между 1959 и 1973 годами уровень бедности снизился с 22,4 до 11,1%. С 1973 года по 1995 год он поднялся до 13,8% и к 2000 году оставался чуть выше показателя 1973 года — на уровне 11,3%. Что касается медианного размера семейных доходов, то этот показатель в годы послевоенного бума, с 1947 по 1973 год, более чем удвоился, в то время как за период между 1973 и 1995 годами, он вырос менее чем на 12%, несмотря на огромное увеличение доли женщин в совокупной рабочей силе (между 1995 и 2000 годом она подскочила на 16%). За все время долгого спада доходы богатей и корпоративных собственников обеспечивались в подавляющем большинстве случаев за счет рабочего населения и бедных, в особенности потому, что это происходило в условиях столь медленного роста. Экономика работала все хуже и хуже, но богатых их положение устраивало все больше и больше¹⁵.

¹⁴ Bank of International Settlements. 71st Annual Report. 1 April 2000 — 31 March 2001. Basel, 2001. 11 June. P. 123–124. «Когда финансовые системы строго регулировались и центральные банки занимались управлением денежными потоками или кредитными показателями [до 1980-х гг.], масштабность наносивших ущерб финансовым циклов сдерживалась... В такой обстановке регулируемости... влияние крупномасштабных циклических колебаний не ощущалось так, как мы это наблюдаем сегодня, в условиях либерализации». Ср.: Prasad E. et al. Effects of Financial Globalization Countries. IMF, Washington, DC, 2003. March.

¹⁵ Piketty T., Saez E. Income Inequality in the United States, 1913–1998 // Quarterly Journal of Economics. Vol. 118. Tabl. 5.1. P. 312.

В период между 1973 и 2000 годами среднегодовые темпы роста реальной заработной платы (без отчислений) основного производственного и неуправленческого персонала (а они составляют 80% всей рабочей силы) частного сектора были практически на нуле (0,5% в ходе длинного цикла 1990-х годов). Если принять во внимание параллельное замедление роста производительности, главного показателя степени экономического динамизма или его отсутствия, то становится совершенно понятно, что подобное сдерживание роста реальных заработных плат было просто необходимо для капитала. В период с 1973 по 2000 год производительность труда (ВВП в расчете на час отработанного времени) в среднем росла всего лишь на 1,2% ежегодно (1,7% для 1990-х годов). Это составляет меньше половины от показателя периода с 1948 по 1969 год — 2,5% и едва достигает половины среднегодового уровня роста производительности за 90 лет с 1890 по 1980 год — 2,3%. На протяжении 1990-х годов среднегодовая норма прибыли для частного сектора экономики оставалась на 15% ниже послевоенного уровня. Но этот показатель упал бы намного ниже, если бы росту заработной платы позволили хотя бы сколько-нибудь приблизиться к среднегодовой норме в 1,6%, достигнутой в последнем десятилетии послевоенного бума (1964–1973 годы)¹⁶. Та жизнеспособность, которую экономика еще сохранила, порождается и обуславливается лишением в течение четверти столетия основного производственного и неуправленческого персонала какого бы то ни было роста реальной заработной платы.

Правда состоит в том, что даже сегодня, через пять лет после завершения эпохи «Новой экономики» и начала нового экономического цикла, открывшегося в феврале 2001 года, традиционные макроэкономические индикаторы не обнаруживают явных признаков того, что долгий спад преодолен. В период с 2000 по 2005 год среднегодовой рост ВВП в странах ЕС и в Японии был ниже, чем в какой-либо другой пятилетний период начиная с 1950 года, тогда как в США он едва добрался до уровня 1990–1995 годов, пока что худшего пятилетия послевоенной эры. Действительно, если принять во внимание все традиционные макроэкономические индикаторы, экономическая ситуация в передовых капиталистических странах менее благополучна, нежели

¹⁶ Historical Data for the «B» Tables of the Employment Situation Release, in Employment, Earnings, and Hours from the Current Employment Statistics Survey, US Bureau of Labor Statistics website, adjusted with CPI-U-1982-4 and CPI-U-RS (1978–2000); *Maddison A. Dynamic Forces in Economic Development*. Oxford, 1991. P. 71; Industry Analytical Ratios for the Total Economy. 2005. 2 June (folder provided on request by the BLS).

в какое-либо другое послевоенное пятилетие (см. табл. XIII.1). И положение остается таким, несмотря на то, что в эти годы правительство США прибегло к самому мощному в истории макроэкономическому стимулированию. Тем временем, финансовые диспропорции и пузыри на рынках активов превзошли даже своих рекордных по размерам предшественников конца 1990-х годов и нависли, подобно черным тучам, над мировой экономикой. Долгий спад еще предстоит преодолеть... и он по-прежнему требует объяснения.

ВВЕДЕНИЕ. ЗАГАДКА ДОЛГОГО СПАДА

В конце 1960-х годов, на излете самого длительного периода непрерывного экономического роста во всей истории США, лауреаты Нобелевской премии в области экономики Роберт Солоу и Пол Самуэльсон выступили с серией торжествующих отходных разрушительной нестабильности капиталистической экономики. «Устаревшее понятие... „экономического цикла“ уже не слишком интересно, — заявил Солоу. — Сегодняшние аспиранты никогда не слышали об исследованиях Шумпетера, посвященных Кондратьевым, Жюглярам и Китчинам, и эти исследования показались бы им чем-то причудливым, если бы они что-нибудь узнали». Самуэльсон шутил: после пятидесяти лет деятельности Национальное бюро экономических исследований «лишило себя одной из своих задач, изучения делового цикла»¹. Коль скоро всякое просвещенное правительство ныне имеет на вооружении неоклассически-кейнсианский синтез, то рецессии, по мнению Артура Окуня, высокопоставленного советника президентов Кеннеди и Джонсона, «теперь... возможно предотвращать, как авиакатастрофы», и представление, что экономические колебания могут быть угрозой для бесперебойного функционирования экономики, «устарело»².

Разработчики экономической политики настолько уверились в своей способности эффективно управлять капиталистической экономикой, что, когда пик подъема был уже позади, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) могла без каких-либо

¹ *Economic History Review*. 2nd series. 1970. Vol. 23. August. P. 410; Zarnowitz V. (ed.). *The Business Cycle Today*. N.Y., 1972. P. 167. Эту реплику Самуэльсон бросил на конференции, посвященной пятидесятилетию Бюро.

² *Okun Arthur*. *The Political Economy of Prosperity*. Washington, Dc6, 1970. P. 32–33. Окунь был одним из ведущих архитекторов «новой экономики» 1960-х годов и председателем Совета экономических консультантов при администрации Линдона Джонсона. Его книга была закончена в ноябре 1969 года. Он писал, что в данный момент «нация переживает сто пятый месяц небывалого, беспрецедентного и непрерывного экономического роста». Он даже без колебаний говорил об «устарелости схемы экономических циклов».

оговорок предсказывать, что будущее ничем не будет отличаться от недавнего золотого прошедшего. В заключительной части выпущенного ОЭСР в начале 1970-х годов исследования о перспективах мира развитого капитализма говорилось: «Производство товаров и услуг в зоне ОЭСР в целом почти удвоилось за последние полтора десятилетия. У нас мало оснований ожидать какого бы то ни было общего снижения темпов роста, зато имеются основательные предпосылки для предположения, что в следующие полтора десятилетия валовой внутренний продукт в зоне ОЭСР может вновь удвоиться... Маловероятно также, что источники высоких темпов роста, ожидаемых в 1970-е годы, быстро истощатся; напротив... Таким образом, правительствам нужно строить свою политику, исходя из предположения, что силы, обеспечивающие быстрый экономический рост, вероятнее всего, будут по-прежнему действовать, и потенциально ВВП зоны ОЭСР может вырасти вчетверо за период от сегодняшнего дня до конца века»³. Чудотворные силы рынка, под надзором государства, могли теперь гарантировать постоянный рост.

ДОЛГИЙ СПАД

Триумфальные настроения Самуэльсона, Солоу, Окуня и ОЭСР едва ли могли быть более несвоевременны. Именно в то время, когда эти экономисты торжествовали, мировая экономика входила в полосу долгого и все время усиливающегося спада, который даже сейчас, четверть века спустя, выказывает немного признаков ослабления. Сообщения об исцелении от периодических кризисов капиталистической экономики были преждевременными. Сегодня, когда мировая экономика выздоравливает после четвертой с конца 1960-х годов тяжелой рецессии, средний уровень безработицы в развитых капиталистических странах (здесь я оставляю в стороне США) по меньшей мере не ниже, чем в среднем в 1930-е годы, десятилетие Великой депрессии⁴. Международные цены на акции ежедневно взмывают на новую рекордную

³ OECD. The Growth of Output. 1960–1980. Retrospect, Prospect and Problems for Policy. Paris, 1974. P. 166.

⁴ В 1996 году безработица в одиннадцати странах Европейского Союза составила в среднем 11,3%, в двадцати восьми странах — членах ОЭСР, включая США, — 7,3%, в самих США — 5,0%. OECD. Economic Outlook. 1997. No. 62. December. P. a24. Tabl. 21. Среднегодовой уровень безработицы в шестнадцати ведущих капиталистических экономиках в 1930–1938 года (включительно) составлял 10,3%. Maddison A. Dynamic Forces in Capitalist Development. Oxford, 1991. P. 170–171. Tabl. 6.2.

высоту, и в это же время экономика в большинстве стран Восточной Азии (включая Японию), региона, в котором в 1996 году было сделано столько же вложений, сколько было сделано в том же году в США, изнемогает в условиях депрессии. Сама Япония балансирует на краю пропасти, угрожая увлечь за собой весь остальной мир.

Верно, что в США уровень безработицы упал до 4,3%, и инфляция опустилась до уровня середины 1960-х годов. Норма прибыли в расчете на основной капитал, сдерживавшаяся на протяжении более двух десятилетий, двинулась вверх, в направлении высокого уровня времен послевоенного бума, и 1997 действительно стал рекордным годом. Остается фактом, что заметное улучшение положения капитала в США было достигнуто во многом непосредственно за счет их главных стран-конкурентов и, в особенности, за счет рабочего класса, и произошло оно на фоне в основе своей плачевного состояния американской экономики, сохранявшегося вплоть до 1996 года. Вероятно, главным достижением возрождения экономики США было то, что в промышленность удалось вдохнуть новые силы. Но это стало возможным только благодаря самой масштабной в истории, продолжавшейся десятилетие девальвации доллара по отношению к иене и к марке. К тому же оказалось невозможным уберечь от падения темпы роста производительности в экономике в целом — это, пожалуй, лучший индикатор экономического динамизма. В течение четверти века, с 1973 по 1996 год, они снижались и достигли минимальных в истории США значений. В течение этого периода ВВП в расчете на час отработанного времени рос в среднем на 1,3%. Это *едва достигает двух третей* среднего уровня этого показателя в предшествовавшем столетии, и в 1990-е годы (вплоть до 1996) его среднее значение было не выше. В такой обстановке сохранить в этот период прибыльность, а в 1990-е годы обеспечить ее частичное восстановление, было нельзя без сдерживания заработных плат, которое по масштабам превосходило все, что имели место в течение последнего столетия, а возможно, и со времен Гражданской войны. Между 1973 годом, когда уровень заработных плат достиг пика, и 1990 годом реальная почасовая ставка заработной платы (без учета отчислений) в частном бизнес-секторе экономики снизилась на 12%, сокращаясь ежегодно в среднем на 0,7%, и вовсе не росла в 1990-е годы (вплоть до 1997 года). Реальная почасовая заработная плата (без учета отчислений) в промышленном секторе изменялась почти по такой же траектории, снижаясь в среднем на 0,8% ежегодно; в итоге она опустилась на 14% за время с пика 1977 года по 1990 год и также не росла вовсе в 1990-е годы. В 1977 году реальная заработная плата в частном бизнес-секторе экономики и в промышленности оставалась на уровне 1967 и 1972 годов соответственно!

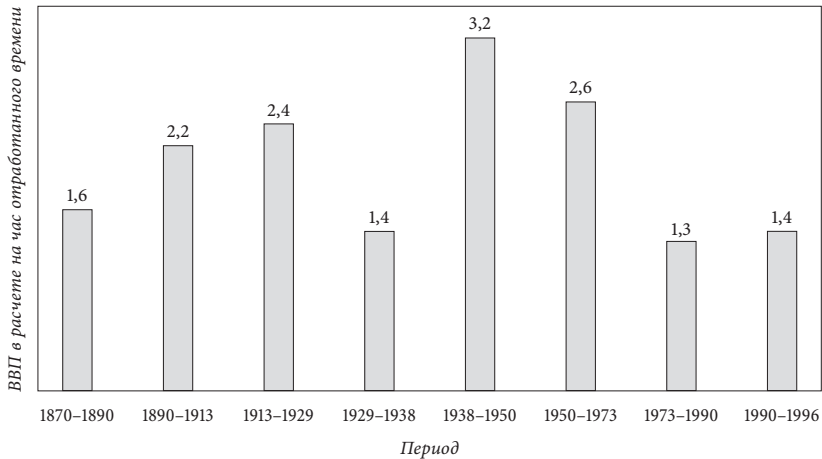

РИС. В.1. Рост производительности труда в США, 1870–1996 годы

ИСТОЧНИКИ: *Madison A. Dynamic Forces in Capitalist Development*, 1991. P. 71. Tabl. 3.13; BLS Industry Analytical Ratios and Basic Data for the Total Economy. См. также приложение II.

Это являет резкий контраст по сравнению с периодом 1890–1980 годов, когда среднегодовой рост реальной почасовой заработной платы составлял 2%, и за весь этот срок не было десятилетия, когда он опускался бы ниже 1,2%; даже 1930-е годы не были исключением⁵.

Даже заместитель министра финансов США Лоуренс Саммерс, апостол американской экономической модели, был вынужден признать «иронию нынешнего экономического бума». В недавней речи перед большой аудиторией, состоявшей из руководителей компаний Си-

⁵ *Rees A. Real Wages in Manufacturing, 1890–1914. Princeton, 1961. P. 120.*; US Department of Labor, Bureau of Labor Statistics (henceforth BLS), National Employment, Hours, and Earnings Series: EEU3000000 (nominal wages of production workers in manufacturing, 1909–present), EEU0000006 (real wages of production workers in total private economy, 1947–present), EEU300000049 (real wages of production workers in manufacturing, 1939–present); Consumer Price Index, 1913–present (Urban Wage Earners and Clerical Workers-CPI-W). Далее все данные по заработным платам приводятся с учетом всех статей оплаты труда, то есть включая собственно заработную плату и отчисления, и относятся не только ко всем категориям работников, а не только к основному производственному и неуправленческому персоналу (или только производственному?), если иное не оговаривается особо. Кроме того, термины «заработная плата» и «оплата труда» используются как взаимозаменяемые в значении «оплата труда», если не оговаривается иное.

РИС. В.2. Рост реальной заработной платы в промышленном секторе США, 1890–2004 годы

ИСТОЧНИКИ: Rees A. Op. cit. P. 120; BLS National Employment, Hours, and Earning Series. См. также приложение II.

ликоновой долины, он сказал: «Ребенок, родившийся сегодня в Нью-Йорке, имеет меньше шансов дожить до пяти лет, чем ребенок, родившийся в Шанхае»⁶. Саммерс мог бы добавить, что циклический подъем 1990-х годов имеет мало общего или вообще не имеет ничего общего с улучшением благосостояния большинства бедных слоев. В 1996 году уровень бедности составлял 13,7% (36,5 млн человек), что заметно выше уровня 1989 года, а к концу 1997 года масштабы голода и бездомности фактически выросли. В свете нынешних восторгов по поводу предполагаемого американского экономического чуда, пожалуй, самым красноречивым можно считать тот факт, что циклический подъем 1990-х годов был, если брать основные макроэкономические показатели роста (выпуск продукции, инвестиции, производительность и реальная оплата труда), даже менее интенсивным, чем слабые подъемы, имевшие место в 1980-е и 1970-е (не говоря уже о соответствующих периодах 1950-х и 1960-х годов). Как эмоционально указала «Financial Times» в начале 1997 года, «согласно общепринятому мнению, экономика США

⁶ Treasury Official Warns Against Complacency, Cites Great Depression // Los Angeles Times. 1998. 29 April; Fiore F., Brownstein R. All But the Poor Got Richer in '96 // Los Angeles Times. 1997. 30 September; Timmins N. Poverty on the Increase in US // Financial Times. 1997. 11 December.

неслась вперед в 1990-е годы, а Европа и Япония остались далеко позади, в клубах пыли. Это не так. Положение США до сих пор было в лучшем случае посредственным, и разница между экономикой США и двумя другими экономиками во многом имеет циклический характер»⁷.

Таким образом, претензии ведущих экономистов и капиталистических правительств на способность предсказывать и управлять экономикой, были выставлены на посмешище реальностью — реальностью *долгосрочного и общесистемного* экономического спада. Серьезность этого спада можно оценить, просто сопоставив наборы макроэкономических параметров ведущих развитых капиталистических экономик в двух последовательных фазах: с 1950 по 1970 год и с 1970–1973 года по настоящее время.

Резкое ухудшение показателей функционирования развитых капиталистических экономик на протяжении последней четверти века по сравнению с ситуацией первых двадцати пяти послевоенных лет не требует доказательств. Во всех этих экономиках средние темпы роста выпуска, основного капитала (инвестиций), производительности труда и реальной заработной платы в период с 1973 года по настоящее время составили от одной трети до одной второй от темпов роста 1950–1973 годов, когда средний уровень безработицы был более чем вдвое выше (см. табл. В.1).

Сокращение средней нормы прибыли в расчете на основной капитал, в первую очередь в промышленности, произошедшее в течение последней четверти века, производит тем более глубокое впечатление, что норма прибыли — это не только основной индикатор здорового состояния экономической системы, но и его ключевой определяющий фактор⁸.

⁷ The Leader and the Laggards // Financial Times. 1997. 9 January. Например, в период с 1990 по 1996 год, когда в «переживающих бум» США реальная почасовая компенсация (включая льготы) в промышленности поднялась в целом на 3%, тогда как в недавно стесненных Германии и Японии ее рост составил в целом 15 и 17% соответственно. См. также ниже: Declining Economic Dynamism. P. 269. Tabl. 17.

⁸ Норму прибыли r принято рассчитывать как отношение прибыли P к основному капиталу K ($r = P/K$). Производительность капитала (Y/K) — это отношение номинального выпуска, или добавленной стоимости, Y к основному капиталу. Доля прибыли (P/Y) — это отношение прибыли к выпуску, или добавленной стоимости. (В этой книге все вводимые далее переменные представляются как чистые (net) величины, если не оговорено иное.) Таким образом, путем математического разложения мы получаем, что норма прибыли равна произведению доли прибыли в выпуске и производительности капитала: $r = P/Y \cdot Y/K$. Изменения прибыльности могут происходить только либо вследствие изменений доли прибыли, либо вследствие изме-

ТАБЛИЦА В.1. Послевоенный подъем и долгий спад в сравнении (среднегодовые темпы роста, %, кроме чистой прибыли и уровня безработицы; для последних показателей приводятся средние значения)

	Чистая норма прибыли		Выпуск		Чистый основной капитал	
	1950–1970	1970–1993	1950–1973	1973–1993	1950–1973	1973–1993
Промышленность						
США	24,4	14,5	4,3	1,9	3,8	2,3
Германия	23,1	10,9	5,1	0,9	5,7	0,9
Япония	40,4	20,4	14,1	5,0	14,5	5
G-7	26,2	15,7	5,5	2,1	—	—
Частный бизнес-сектор						
США	12,9	9,9	4,2	2,6	3,8	3,0
Германия	23,2	13,8	4,5	2,2	6,0	2,6
Япония	21,6	17,2	9,1	4,1	—	—
G-7	17,6	13,3	4,5	2,2	—	—

ПРИМЕЧАНИЕ: Чистая норма прибыли G-7 исчислена до 1990 года; данные по остаточному основному капиталу Германии охватывают 1955–1993 годы; нормы чистой прибыли и данные по остаточному основному капиталу Японии относятся к производству за 1955–1991 годы.

нений производительности капитала (либо вследствие воздействия изменений коэффициента использования производственных мощностей на названные множители). Все нормы прибыли рассчитаны исходя из величины прибыли до вычета корпоративного налога на прибыль (но за вычетом косвенных налогов на производителя), если не оговорено иное. Нормы прибыли (и другие основные показатели) обыкновенно представляются для «частного бизнес-сектора экономики» или «частного сектора экономики»; этот термин относится ко всей несельскохозяйственной экономике за вычетом государственного сектора и за вычетом государственных предприятий. Иногда нормы прибыли представляются для «предпринимательской экономики»; данный термин относится ко всей несельскохозяйственной экономике за вычетом государственного сектора, но с включением государственных предприятий. Основной капитал равняется стоимости зданий и оборудования и в этой книге не включает объекты жилого строительства, если не оговорено иное. Полные разъяснения см. в разделе: «Нормы прибыли и рост производительности». Приложение I.

Валовой основной капитал		Производительность труда		Реальная заработная плата		Уровень безработицы	
1950–1973	1973–1993	1950–1973	1973–1993	1950–1973	1973–1993	1950–1973	1973–1993
—	—	3,0	2,4	2,6	0,5	—	—
6,4	1,7	4,8	1,7	5,7	2,4	—	—
14,7	5	10,2	5,1	6,1	2,7	—	—
4,8	3,7	3,9	3,1	—	—	—	—
—	—	2,7	1,1	2,7	0,2	4,2	6,7
5,1	3,0	4,6	2,2	5,7	1,9	2,3	5,7
9,4	7,1	5,6	3,1	6,3	2,7	1,6	2,1
4,5	4,3	3,6	1,3	—	—	3,1	6,2

ИСТОЧНИКИ: OECD. National Accounts, 1960–1997. Vol. II. Detailed Tables; OECD. Flows and Stocks of Fixed Capital. Various issues; *Armstrong P., Glyn A., Harrison J.* Capitalism Since 1945. Oxford, 1991, data appendix; а также: Accumulation, Profits, State Spending: Data for Advanced Capitalist Countries 1952–1982 тех же авторов. Oxford Institute of Economics and Statistics. 1986. July (updated by Glyn A.). (Далее AGH.)

Средняя норма прибыли выражает способность экономики извлекать излишки из своего основного капитала и, таким образом, в первом приближении хорошо отражает ее способность к накоплению капитала (инвестированию) и, следовательно, к повышению производительности и темпов собственного роста⁹. Средняя норма прибыли выражает также то, в какой степени для системы опасны экономические потрясения: если разброс норм прибыли сохраняется на неизменном уровне, то (меняющиеся) средние нормы прибыли определяют долю

⁹ Конечно, потенциальный инвестор может черпать капитал из существующих источников кредитования, поэтому, чтобы объяснить действительный размер инвестиций, необходимо принимать во внимание не только нормы реализованной прибыли, но и уровень процентной ставки.

компаний, балансирующих на грани выживания, и тем самым вероятность наступления серьезной рецессии или депрессии. И наконец, поскольку инвесторы не в состоянии предугадывать или контролировать развитие ситуации на рынке, они вынуждены, как правило, полагаться на *реализованную* норму прибыли в качестве оценки ожидаемых норм прибыли и на этой основе решать, как распределять свои фонды¹⁰. Таким образом, норма прибыли определяет относительную привлекательность вложения фондов в основной капитал, что предполагает втягивание в определенный производственный процесс и возврат вложений лишь через длительное время, или краткосрочных вложений только в наем рабочей силы, в приобретение и перепродажу товаров, в спекуляции или в личное потребление¹¹.

В период между 1970 и 1990 годом промышленная норма прибыли в экономиках G-7, взятых в совокупности, была в среднем на 40% ниже, чем в период 1950–1970 годов. В 1990 году она находилась примерно на 27% ниже уровня 1973 года и примерно на 45% ниже пика, достигнутого в 1965 году¹². Эти изменения были красноречивыми признаками и одновременно ключевыми определяющими факторами заметного ухудшения положения в экономике в целом, начавшегося еще на заре 1970-х годов. Как я постараюсь показать, радикальное падение норм прибыли во всем развитом капиталистическом мире явилось основной причиной параллельного серьезного замедления роста инвестиций; а вместе с ним — и замедления роста выпуска, в особенности, промышленного. Резкое замедление роста инвестиций — и роста выпуска — явилось, я докажу это, основным источником замедления роста производительности, а заодно и главным определяющим фактором

¹⁰ Более короткий путь к реальности для теории оказывается сложнее найти потому, что инвесторы знают, или, по крайней мере, думают, что знают, как в будущем изменится их норма прибыли, так что ожидаемая норма прибыли, на основе которой они принимают свои решения, показывает реализованную норму прибыли, но в некоторой преобразованной форме.

¹¹ Систематический анализ значения нормы прибыли содержится в крупном труде: *Duménil G., Lévy D. The Economics of the Profit Rate. Competition, Crises and Historical Tendencies of Capitalism. Aldershot, 1993*, а также в недавно появившейся статье: *Glyn A. Does Aggregate Profitability Still Matter? // Cambridge Journal of Economics. 1997. Vol. xxi. September.*

¹² К группе G-7 относятся США, Германия, Япония, Великобритания, Франция, Италия и Канада. Расчеты совокупной нормы прибыли, совокупной доли прибыли и совокупного основного капитала приводятся по: *Armstrong P., Glyn A., Harrison J. Capitalism Since 1945. London, 1984; Second Edition, Oxford, 1991. Data appendix.*

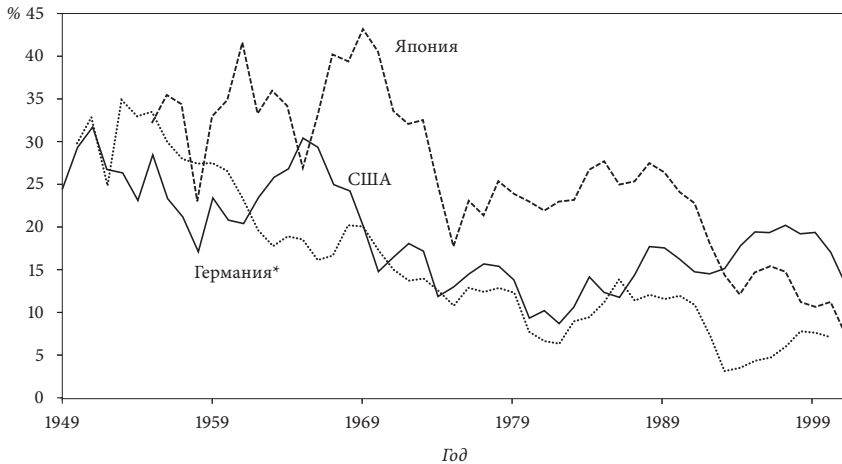

РИС. В.3. Чистые нормы прибыли в промышленности США, Японии и Германии, 1949–2001 годы

* Величина нормы прибыли по Германии относится к Западной Германии 1950–1990 годов и к Германии 1991–2000 годов.

ИСТОЧНИК: См. приложение I о нормах прибыли.

роста уровня безработицы. Наконец, в падении нормы прибыли и замедлении роста занятости кроется причина резкого замедления роста заработной платы.

Итак, цель настоящего исследования — осветить истоки и эволюцию долгого спада через призму анализа причин и последствий изменений прибыльности. В главе I моим отправным пунктом станет семейство теорий «*факторов на стороне предложения*» (supply-side theories), которые представляют из себя общепринятую интерпретацию событий. Если говорить упрощенно, эти теории объясняют спад и неспособность экономики восстановиться растущим давлением со стороны трудящихся. Согласно этим теориям, поскольку давление со стороны рабочих нарастало, прямой и косвенный рост заработной платы опережал рост производительности, что и запустило долгий спад. И, коль скоро давление со стороны рабочей силы в достаточной мере не ослабло, прямой и косвенный рост заработной платы не был приведен в соответствие с замедлением роста производительности, спад затянулся. Остановившись на вариациях в рамках этой общей интерпретации, я выделяю ее несколько фундаментальных концептуальных проблем и отмечу ряд эмпирических тенденций, которые ставят под сомнение способность названной интерпретации объяснить долгий спад. Затем,

отталкиваясь от общих позиций, с которых я критиковал интерпретации «факторов на стороне предложения», я предложу альтернативный подход, отправным пунктом которого является *бесплановая, нескоординированная и конкурентная природа капиталистического производства*, в частности, безразличие отдельных инвесторов к последствиям их погони за прибылями и их неспособность принять во внимание эти последствия для прибыльности других производителей и экономики в целом.

С этой точки зрения, падение *совокупной* прибыльности, приведшее к долгому спаду, явилось результатом не столько автономного вертикального сжатия прибыли в результате давления труда на капитал, сколько избытка производственных мощностей и перепроизводства, которые возникли в результате жесткой горизонтальной конкуренции между капиталистами. Усиление конкуренции между капиталистами, в свою очередь, происходило потому, что на рынок проникали товары, характеризующиеся более низкой себестоимостью и более низкими ценами, в особенности промышленные товары, так что ущемлялись интересы уже существовавших производителей с более высокими издержками и ценами, ухудшалась их прибыльность и загрузка производственных мощностей.

Если рассуждать с таких позиций, долгий спад оказался столь труднопреодолимым главным образом вследствие того, что развитые капиталистические экономики проявили неспособность сокращать и перераспределять производственные мощности таким образом, чтобы устранить их переизбыток и перепроизводство в промышленных отраслях и, тем самым, восстановить прибыльность, особенно в условиях все большего присутствия Восточной Азии на мировых рынках. Поскольку восстановления прибыльности не произошло, долгосрочный рост инвестиций и, соответственно, рост выпуска упали, что привело к долгосрочному замедлению роста производительности, заработной платы и росту безработицы.

В оставшейся части данной работы я, исходя из практических соображений, сосредоточусь на США, Германии и Японии и постараюсь показать, что данный выше подход может предложить адекватное описание экономической эволюции развитого капиталистического мира и дать более точную интерпретацию имеющихся данных, нежели теории «факторов на стороне предложения»¹³. Во второй, третьей

¹³ Если мы сфокусируем внимание на этих трех экономиках, то не избежим искажений. Тем не менее все они, взятые вместе, в 1950 году представляли 60% выпуска продукции от совокупного показателя семнадцати ве-

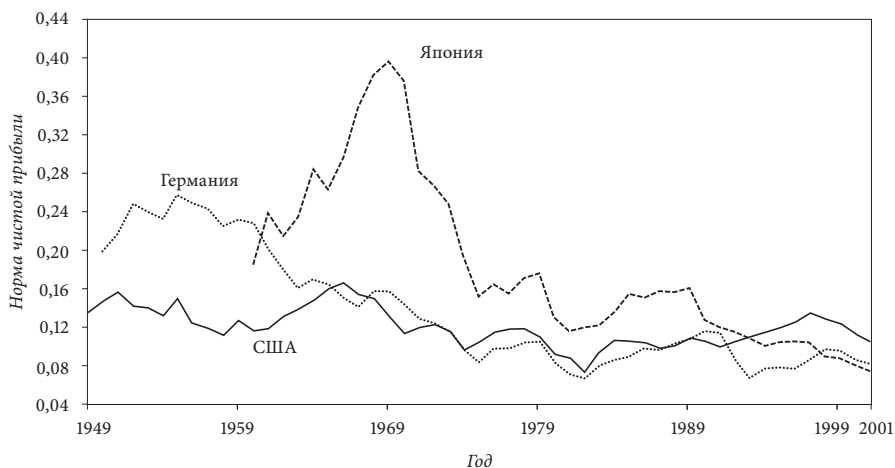

РИС. В.4. Нормы чистой прибыли в частном секторе США, Японии и Германии, 1949–2001 годы

ИСТОЧНИК: См. приложение I о нормах прибыли.

и четвертой главах я предложу ретроспективные интерпретации долгого подъема (1950–1965), падения прибыльности, перехода от подъема к кризису (1965–1973) и долгого спада (с 1973 года по настоящее время) в терминах систематически *неравномерного развития* передовых капиталистических экономик в послевоенные годы, которое на протяжении большей части этой эпохи, хотя и не все время, проявлялось в относительно медленном росте лидировавших США по сравнению с ускоренным ростом в экономиках-последователях более позднего развития — Японии и Германии, а затем и Восточной Азии. Я попытаюсь продемонстрировать, как схема неравномерного развития подкрепляет выдвинутую мной более общую интерпретацию долгого спада в терминах усиления конкуренции, которое приводит к появлению избыточных производственных мощностей, перепроизводству и падению прибыльности, в особенности промышленной.

дущих капиталистических экономик, а к 1994 году этот результат вырос до 66%. Maddison A. *Monitoring the World Economy 1820–1992*. Paris, 1995. Tabl. C-16-a. Более того, каждая из этих экономик находилась в центре крупных региональных блоков, которым они придавали динамизм и в которых доминировали. Кроме того, взаимодействие этих трех экономик было, как я намерен показать, одним из краеугольных камней эволюции развитого капиталистического мира в течение всего послевоенного периода.

Научное издание
Серия «Экономическая теория»

РОБЕРТ БРЕННЕР

ЭКОНОМИКА ГЛОБАЛЬНОЙ
ТУРБУЛЕНТНОСТИ
РАЗВИТЫЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ЭКОНОМИКИ
В ПЕРИОД ОТ ДОЛГОГО БУМА ДО ДОЛГОГО
СПАДА, 1945–2005

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА
Редакторы
ДАНИИЛ ШЕСТАКОВ, ЯКОВ ОХОНЬКО
Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ
Верстка
СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ
Корректор
АННА КУРЕННАЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 19.12.2013. Формат 70×100/16
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 32,9. Уч.-изд. л. 28,9
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1256. Заказ №

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6